

даже добродушным человеком. В начале спектакля он сообщает о приезде ревизора почти бестрепетно. В конце первого акта, отдавая на ходу распоряжения кварильному, он скорее торопится, нежели взволнован. Уравновешенность Городничего беспримерна. Она лишает действие существеннейшей мотивировки: такой Городничий не может принять Хлестакова за ревизора. Не случайно П. Михневич увереннее чувствует себя в тех эпизодах, где Хлестакова нет на сцене.

Это неизбежно ютзывается и на игре Срибного—Хлестакова. Сам по себе образ, созданный Срибным, наиболее живой и верный в спектакле. Хлестаков действует здесь с веселым бессознательным любопытством к окружающим и к собственной судьбе. Правда, иногда — например, в сцене вранья — актеру недостает той предельной легкости творчества, когда игра кажется импровизацией. Но гораздо серьезнее другое: петербургский чиновник Хлестаков существует слишком уж особняком в среде провинциального чиновничества, и отсутствие внутреннего общения партнеров только подчеркивает это обстоятельство. Тема родства ревизора и ревизуемых не прозвучала, — и меньше всего по вине исполнителя.

Не помогает характеристике Хлестакова и В. Сокирко, играющий Осипа в приемах внешней комедийности, при полном внутреннем равнодушии. Почти пропадает содержание, смысл монолога Осипа, потому что актер разыгрывает попутно затейливую пантомиму глумления крепостного над одеждой барина: плюет на пальто, бьет по нему щеткой в такт словам, с сердцем встряхивает. «Дня бы четыре почухался», — произносит, например, Осип; Сокирко подкрепляет сказанное четырьмя ударами по пальто. Когда Хлестаков входит, Осип рычит за его спиной. Чувство меры то и дело изменяет актеру. Вместо того, чтобы невзначай, политично осведомиться у Мишки насчет другого выхода из дома Городничего, Сокирко — Осип подает эту реплику броско, на «уход». Во всем этом сквозит холодок представительства.

До какой степени отсутствует в спектакле единый стиль, можно судить хотя бы по тому, что даже образы Добчинского и Бобчинского будто взяты из разных постановочных вариантов. П. Столяренко-Муратов играет Бобчинского в бытовых тонах. Добчинский

в исполнении И. Пискуна — ходячий гротеск. Вытянув перед собой полусогнутые руки, умильно склонив голову набок, Добчинский все время как бы делает стойку перед властями. Когда в трактире Хлестаков жалуется Городничему на клопов, Добчинский, присевший было на кровать, вскакивает и по-собачьи отряхивается.

Анна Андреевна здесь щеголяет в золотых туфлях, Марья Антоновна — в серебряных... «Что же всем этим достигалось? — продолжал Б. Захава свой разговор о сценических судьбах «Ревизора». — А то, что сатирический смысл комедии начисто убивался. Ибо вритель, уходя с такого спектакля, думал: это не имеет никакого отношения к живой действительности».

Б. Захава писал эти строки еще до создания Черновицкого театра. Но до чего живучи шаблоны и стереотипы, режиссерские и актерские. Да, «Ревизор» на черновицкой сцене и в самом деле чрезвычайно далек от живой действительности.

Нелегко обращать такой упрек к театру, в жизнеспособности которого мы уже убедились. Нелегко наблюдать сдачу достигнутых позиций. Но именно потому, что достижения немаловажны, необходимо говорить о всей глубине разрыва, о творчестве и ремесле в практике театра, о новом, настоящем, современном, уживающемся рядом с ветхими обносками старого.

Такие противоположности не могут, не должны иметь места. Придя к творческой правде, как может театр не захлопнуть двери перед условной полуправдой?

Полуправда, далекая от живой действительности, обнаруживается и в спектакле «Талант».

Режиссер В. Гаккебуш поставил пьесу М. Старицкого, как чувствительную мелодраму, строго придерживаясь стереотипных амплуа, риторической декламации и т. п. Постановщик словно убежден, что пьесу об актерах дореволюционного захолустного театра и исполнять надо в манере этого театра. Зрелище получилось стилизованное, архаическое. Сила его обличений и сила его утверждений минимальна. Будто и не было на той же черновицкой сцене такого подлинно современного спектакля о прошлом, как «Земля».

Режиссер не верит в жизнеспособность происходящего, и его неверие передается актерам. Они освобождены от переживаний, чувств

своих героев, от перевоплощения в мир внутренней жизни образа.

Холодно и безучастно декламирует свою роль, роль первого любовника, Ю. Величко, чувствуя себя, по видимому, очень неудобно во фраке барчука Квитки. Мы привыкли ценить сдержанность актера. Но на этот раз под сдержанностью, к сожалению, не кроется глубокое внутреннее волнение, которое ищет выхода, которое в самом деле приходилось бы сдерживать.

Педантично читает монологи либерала Архипова Н. Когляревский. Хоть бы две-три интонации прозвучали в бесстрастном голосе актера, — ничто не всколыхнет размеренного словотечения.

М. Киселева исполняет роль актрисы Лучицкой, чьей печальной судьбе посвящена пьеса. В отличие от многих своих партнеров играет Киселева эмоционально. Но и она не в силах передать жизненную конкретность драмы своей героини, ибо играет голое чувство, абстрактное состояние. Сострадальческие интонации и взгляды, излом бровей — все это задано наперед. С первых же шагов на сцене Киселева—Лучицкая говорит и действует в предчувствии трагической развязки. Оттого исполнительнице не удается донести трагедию «горячего сердца», подлинного таланта передовой женщины.

По характеру сценического истолкования, по уровню исполнительской культуры «Талант» оказался срывом в архаику. Увы, времена режиссерского примитива и актерского разнобоя, как видно, еще далеко не везде отошли в область предания. Пережитки старой театральной провинции и сегодня подчас всплывают на поверхность как досадная, но осязаемая реальность: с ней надо считаться, против нее надо вести борьбу.

Неизбежно приходится говорить о пониженной преобладательности к творчеству, о досадных просчетах художественного руководства Черновицкого театра.

Главный режиссер Б. Борин, постановщик спектакля «Весенний поток» и некоторых других, заслуживающих признания, — несомненно зрелый, опытный мастер. Но, как известно, художественная организация спектакля и художественная организация театра в целом, его стиля, его творческого лица — не одно и то же.

Отдельные постановки Черновицкого те-

атра говорят не только о том, что их авторы не владеют принципами системы Станиславского, но также и о том, что художественное руководство соблюдает тут полное невмешательство. В таких постановках привольно чувствует себя тот актер представления, о котором еще Салтыков-Щедрин замечал: «Вообще он не выдерживал своей игры, потому что играл как-то не внутренностями, а кожей».

Особенно грустно, что в числе таких неприятных работ, сделанных по старинке, на авось, оказался и «Ревизор». А ведь этот спектакль должен был стать пробным камнем реалистической зрелости любого коллектива.

Подлинный ансамбль не глушит индивидуальностей своих участников. Но индивидуальности приносят свой вклад в ансамбль, когда раскрываются в общении, когда их объединяет ведущая идейно-творческая концепция, когда они звучат в одном стилевом ключе.

«Искусство наше коллективное, отдельные яркие исполнители в спектакле не могут нас устроить, — говорил К. С. Станиславский. — Мы мыслим спектакль, как единое гармоническое сочетание всех его элементов, как целое художественное произведение».

Именно поэтому Станиславский подчеркивал важность систематической работы актера над собой, важность творческого воспитания коллектива. «Надо, — считал он, — повседневно следить за повышением культуры артиста и неустанно заниматься совершенствованием своего мастерства».

Вот одна из неотложных задач актеров и режиссеров Черновицкого театра.

У этого коллектива имеются заслуги. Его лучшие спектакли поставлены в согласии с жизненной правдой, проникнуты духом реалистического искусства. Они образуют плодотворное направление в практике театра, направление, которому должно принадлежать будущее. Но есть в его практике и другое направление. Оно тянет к рутине и штампу, оно лишено перспектив.

Черновицкому театру предстоит прочно утвердиться на почве нового, передового искусства. Лишь тогда придет конец стиливой чересполосице и досадным срывам, лишь тогда речь о серьезных достижениях театра пойдет без столь серьезных оговорок.